



Наталия Сурнина



Оути Монтосен

Олли МУСТОНЕН: «СОТРУДНИЧЕСТВО КОМПОЗИТОРА И ИСПОЛНИТЕЛЯ ДОЛЖНО ВДОХНОВЛЯТЬ ОБЕ СТОРОНЫ»

Олли Мустонен — личность уникального дарования: пианист, композитор, дирижер. Причем все три ипостаси его творческого облика гармонично сосуществуют и в равной мере востребованы. В качестве солиста и дирижера он выступает с лучшими оркестрами мира, его сочинения звучат на крупнейших фестивалях, его записи отмечены множеством наград. Кстати, именно Мустонену посвятил свой Пятый фортепианный концерт Родион Щедрин. Но, если до недавнего времени в России финского музыканта знали прежде всего как пианиста (он, в частности, участвовал в Московском Пасхальном фестивале В. Гергиева и Фестивале Ю. Башмета в Сочи), то теперь представляется возможность познакомиться с Мустоненом-дирижером.

23 апреля в Концертном зале Филармонии-2 пройдет третий концерт фестиваля «Опера априори — 2017». Главная интрига вечера — российская премьера единственной, известной лишь узкому кругу специалистов, оперы Яна Сибелиуса «Дева в башне» (1896). Она прозвучит вместе с редко исполняемой оперой Римского-Корсакова «Кашей Бессмертный» (1902). Объединяет их сюжетная канва: красавицу, заточенную злодеем в башне, спасает ее возлюбленный. Сольные партии в обеих операх исполнят Наталья Мурадымова (сопрано), Ксения Дудникова (меццо-сопрано), Максим Пастер (тенор), Маркус Ниеминен (баритон, Финляндия) и Петр Мигунов (бас), за пультом Московского камерного оркестра Musica Viva встанет Олли Мустонен. В эксклюзивном интервью «PianoForum» он рассказал о гипнотических свойствах музыки Римского-Корсакова, о судьбе единственной оперы Сибелиуса и о том, сколько ошибок пришлось исправить в ее партитуре.

— Сибелиус — фигура достаточно хорошо известная в России, но о его единственной опере «Дева в башне» мы ничего не знаем.

— Даже в моей родной стране она не очень хорошо известна, все знают лишь о факте ее существования. Сибелиус написал ее в молодости, при жизни состоялось несколько не очень удачных исполнений, которыми он сам дирижировал. И, хотя он тепло относился к этому сочинению, он решил отложить его в сторону, планируя вернуться к нему позже и сделать новую реакцию. Но, видимо, он был слишком занят другими делами и в итоге так и не собрался переделывать оперу.

Впервые, после большого перерыва, она была исполнена в 1981 году. Я тогда был еще мальчиком и, кажется, видел ее по телевизору. Но это было давно, поэтому, получив приглашение от замечательного фестиваля «Опера априори», я плохо представлял музыку и начал ее изучать.

Когда я получил материалы «Девы в башне», то увидел, что там полно ошибок. Я сам композитор, и знаю, что партитура состоит из десятков тысяч деталей: когда я готовлю свои сочинения к печати, то корректуру приходится вычитывать много раз, и все равно попадают опечатки. Сейчас к изданию готовится уртекст всех сочинений Сибелиуса, и я связался с главой этого проекта, Тимо Виртаненом. Мы знакомы со школы,



но я его не видел лет 30. Благодаря ему я смог познакомиться с рукописью Сибелиуса. Это было чудесно! Прежде я никогда не имел возможности так близко прикоснуться к первоисточнику. У меня был список примерно из 50 вопросов, и я могу сказать, что все их вполне разрешил благодаря знакомству с манускриптом. Сибелиус очень логичен, даже если он делает что-то необычное, это всегда оправдано. В рукописи, кроме прочего, есть его дирижерские карандашные пометки, и меня охватило чувство такого тесного общения с ним, какого не возникало раньше.

Сибелиус умер за 10 лет до моего рождения, я с ним никогда не встречался, хотя мне посчастливилось быть знакомым со многими членами его семьи. Его музыка всегда была очень близка мне, но, работая над «Девой в башне», я ощутил новый уровень близости. Мне казалось, будто он совсем рядом, сидит надо мной на облаке, и я чувствовал, что он был рад, что у меня возникло желание разобраться в этой партитуре. И я счастлив, что мы представим ее российскую премьеру.

— **Как Вы считаете, Сибелиус не случайно думал о пересмотре оперы?**

— Опера изумительная. Но это раннее сочинение, и Сибелиус работал над ней в большой спешке. Наверняка, он был чем-то недоволен, что-то надеялся исправить, но ее лучшие страницы написаны на уровне шедевров Сибелиуса. А раз композитор ее сам не переделал, мы должны только исправить очевидные ошибки в рукописи, что я частично и попытался сделать. Мы должны принять ее как неограниченный

бриллиант, это ценный исторический документ со всеми его шероховатостями. В ней много гениальной музыки, проникновенной и сильной, например, эпизоды с хором во второй и третьей сценах.

— **Однако известно, что сам Сибелиус сказал, что «девушка должна остаться в башне», и больше не возвращался к ней. Вы как композитор можете прокомментировать, почему он отверг свою единственную оперу?**

— Я хорошо его понимаю. Он постоянно был занят сочинением новых произведений, а об опере у него, вероятно, сохранились не лучшие воспоминания. Поэтому естественно, что при наличии более приятных занятий он неприятное оставил позади. Так я это себе представляю, хотя, что думал Сибелиус, не знаю. Но это нормально, когда тебя занимают те сочинения, над которыми ты работаешь. Наверное, Сибелиус просто забыл, какая прекрасная вещь его «Дева в башне».

— **Мы знаем Сибелиуса как великого симфониста, а что можно сказать о его вокальном стиле?**

— Человеческий голос не был чужим для него, и его вокальный стиль очень естественен. Хоровые произведения Сибелиуса — сильные сочинения, а прекрасные песни — важная часть его наследия, вполне сопоставимая с симфониями. По стилю они недалеко от оперы.

— **Часто ли «Деву в башне» исполняют в Финляндии, в Европе?**

— Нечасто. Несколько исполнений состоялось к 150-летию со дня рождения Сибелиуса. Эта опера — из разряда тех сочинений, о которых все знают, но никто не слышал. Существуют всего несколько ее записей.

— **Опера была создана по довольно необычному заказу: для благотворительной лотереи.**

— Да, это был заказ одного известного певца. Думаю, предложение написать небольшую оперу для сравнительно небольшого оркестра давало ему хорошую возможность попробовать свои силы в оперном жанре. До этого он начинал работу над большой оперой на основе сюжета из Калевалы, но не закончил ее; осталось много набросков, часть из них он использовал в других сочинениях. Поэтому «Дева в башне» была для него своеобразной лабораторией.

— **Концерт, в рамках которого прозвучит опера, посвящен 100-летию независимости Финляндии. Сибелиус был живым свидетелем процесса обретения этой независимости.**

— Культурная жизнь была важной частью национального самосознания. Тогда Финляндия была еще меньше, чем сейчас, но там появилась большая группа крупных деятелей искусства, и в музыке центральной фигурой был Сибелиус. Много людей, важных для финской культуры, было среди его родственников: его жена Айно была выдающейся личностью, один ее брат (Арвид Ярнефельд) был писателем, другой (Ээро) — одним из наших наиболее значительных художников, третий (Армас) — композитором и дирижером. Удивительная семья. А самый выдающийся поэт того времени Эйно Лейно — мой дальний родственник. Моя Первая симфония с солистом написана на его стихи.

Многие из музыкантов, писателей, художников, архитекторов того периода вдохновлялись Калевалой, нашим национальным эпосом, который записывался от носителей устной традиции. В западной части нашей страны до сих пор есть люди, которые могут петь эпос часами. Сибелиус, конечно, встречался с ними, для него это был колоссальный источник вдохновения. Калевала и национальная культура

имели огромное значение в то беспокойное время, не случайно его называют золотым веком финской культуры, именно тогда у нас появились художники мирового масштаба. В Финляндии даже далекие от искусства люди рассматривают их наследие как что-то очень важное, определяющее, что значит быть финном.

— *Петербургская премьера «Касея Бессмертного» по сути стала откликом на первую русскую революцию. Это обстоятельство сыграло какую-то роль при выборе сочинения?*

— Это неожиданное, но удачное сочетание. Сибелиус был моложе Римского-Корсакова и прожил долгую жизнь, его мы воспринимаем как композитора, более близкого к нам по времени, но даты создания произведений близки. Опера Сибелиуса — ранняя, опера Римского-Корсакова — одно из самых поздних его сочинений, сочинение композитора, в совершенстве владеющего мастерством. В этом их важное отличие.

Интересно, что «Дева в башне» гораздо больше принадлежит романтической традиции, чем «Касей Бессмертный». У них есть сходство в сюжетах, это архаичные истории о юной принцессе или девушке, похищенной злодеем и заточенной в неволе. Обе оперы имеют счастливый конец: девушек спасают и влюбленные воссоединяются.

«Касей Бессмертный» — подлинный шедевр, открывать для себя его партитуру было для меня увлекательным приключением. Сейчас я записываю все фортепианные концерты Прокофьева, через пару недель пишу Второй, и удивительно, насколько близок музыкальный мир этого раннего концерта опере Римского-Корсакова. Но, конечно, более очевидна связь оперы с «Жар-птицей» Стравинского, который тоже вдохновлялся сказкой про Касея. Партитура Римского-Корсакова восхитительна, для меня как для композитора каждая ее страница полна чудес. Но оркестровка у него всегда стоит на службе музыкальной идеи, демонстрация мастерства для него не самоцель. «Касей» хорошо известен в России, но за ее пределами — нет, в Финляндии он ни разу не исполнялся. Я приложу усилия, чтоб поскорее это исправить.

— *Обе оперы основаны на сказках.*

— «Дева в башне» — не финская сказка, это классический для центральной Европы сюжет. Русским сказкам ближе Калевала, ведь главное в них — волшебный, магический элемент, а у Сибелиуса в опере нет волшебства, нет магии и волшебников, это, скорее, сюжет о рыцаре и принцессе.

— *Партии в обеих операх будут исполнять одни и те же солисты. Насколько это оправдано?*

— Хотя это концертное исполнение, исполнителям придется преобразиться за время антракта. Если у девушек амплуа в обеих операх совпадают, то тенор должен будет перевоплотиться из героя в злого волшебника, а баритон — наоборот.

— *В концерте примет участие певец из Финляндии — баритон Маркус Ниеминен. Вы его пригласили?*

— Его пригласил фестиваль, и я доверяю этому выбору. Опера написана и будет исполняться на шведском языке; Финляндия — двуязычная страна, и наши певцы имеют большой опыт пения на шведском. Я немного на нем говорю, но в процессе работы над оперой язык рождает дополнительные сложности, и очень хорошо иметь в команде того, кто им владеет.

— *В Вашем репертуаре есть «Шехеразада». А чем еще из сочинений Римского-Корсакова Вы дирижировали?*

— Пока только «Шехеразадой», но теперь собираюсь по-лучше познакомиться с его творчеством. Несколько лет назад,

зная лишь некоторые оркестровые сочинения Римского-Корсакова, я наивно спросил Родиона Щедрина, правда ли «Шехеразада» — его главный шедевр, а все остальные сочинения — не столь высокого уровня. Щедрин ответил, что, конечно, это не так. «Шехеразада» — мое любимое сочинение, но «Касей» тоже оказался абсолютным шедевром, он демонстрирует такие вершины мастерства, каких не каждый может достичь. Это шаманское, по-настоящему мистическое сочинение. Даже если я просто читаю партитуру, музыка гипнотизирует меня. Она постоянно звучит в моей голове; кажется, Касей пленил и меня (смеется).

— *Каким образом Ваша композиторская деятельность помогает в дирижировании?*

— Мне очень нравится универсализм слова «музыкант», в том смысле, в котором оно относится, например, к Хиндемиту — композитору, дирижеру и альтисту. Если мы оглянемся хотя бы на 200 лет назад, станет очевидно, что такое сочетание очень органично, оно было, скорее, правилом, чем исключением. Да и в более близкие нам времена достаточно вспомнить Рахманинова — великого пианиста, дирижера и композитора.

Конечно, такое сочетание не обязательно должно быть в каждом музыканте, но внутреннее взаимодействие между композитором и исполнителем очень полезно, хотя в последние лет 70 такой универсализм встречается недостаточно часто. Плохо, что исполнители зачастую не знают композиторов-современников, а композиторы работают закрыто в своей лаборатории и не используют музыкантов в качестве подопытных кроликов. Мне кажется, что сотрудничество композитора и исполнителя должно вдохновлять обе стороны. Как дирижер и пианист я невероятно люблю работать с современными композиторами — Щедриным, Раутаваарой, а также с Джоном Адамсом, который стал для меня очень важной фигурой. А как композитор я часто пишу на заказ, имея в виду определенных исполнителей, и это тоже становится источником вдохновения.

— *Не возникает ли у Вас иногда желания во время дирижирования чужих сочинений что-то подправить в партитуре?*

— Если я дирижирую какой-то шедевр, вроде музыки Римского-Корсакова? Нет, никогда (смеется). Вообще, как можно сравнить разных композиторов? Кто лучше — Прокофьев, Брамс или Бетховен? Мне кажется, это как выбирать, кто совершеннее — лев или тигр; оба они созданы природой равно совершенными. Каждый композитор прекрасен по-своему, и что-то менять было бы глупо. Когда я дирижирую сочинениями мастеров, я учусь, по крайней мере стараюсь. Состоять в столь близком контакте с великой музыкой — потрясающее чувство, и вся она так или иначе оказывает влияние на мои собственные сочинения.

— *Когда Вы планируете завершить запись цикла прокофьевских фортепианных концертов?*

— Он почти завершен. Первый, Третий и Четвертый концерты уже вышли, Пятый мы записали в прошлом году, скоро запишем Второй. Прокофьев всегда был для меня одним из самых важных композиторов, я исполняю все девять его фортепианных сонат. Обычно я играю их в двух программах, но однажды по просьбе бельгийского фестиваля я сделал сумасшедшую вещь — сыграл их в один день. Может показаться, что это слишком масштабный и насыщенный концерт как для исполнителя, так и для слушателей. Но все сонаты разные: есть очень большие — Шестая, Седьмая и Восьмая, есть необыкновенно лирические — Пятая и Девятая, есть короткие — Первая и Третья. И если верно выстроить драматургию концерта, вместе они составляют прекрасную программу. ■